

Валдайские
записки

#16 | Май 2015

Восходящие державы и
ревизионизм в условиях
нарождения новых мировых
порядков

Рэндалл Л. Швеллер

Как и следовало ожидать, находящиеся в процессе перехода системы международных отношений определяются борьбой между господствующими и становящимися державами за то, чье видение мирового порядка возьмёт верх. Опоздавшие, международный престиж которых отстает от их возросшего и продолжающего расти фактического влияния, пытаются, как правило, распространить свой контроль и влияние на другие территории, другие государства, мировую экономику и весь комплекс правил и прав, регулирующих взаимодействие между государствами (таких как международные нормы и режимы, характер дипломатии и права собственности в глобальном масштабе). Это классический случай гегемонистской войны и перемен в международном масштабе.¹

Тем не менее, сам факт возникновения восходящих держав не всегда и не неизбежно приводит к конфронтации с господствующими державами по поводу фундаментальной природы существующего миропорядка, даже когда мы наблюдаем состояние войны между этими двумя сторонами. Например, во время Первой мировой войны стороны сражались за свои относительные позиции в мире, которые определялись в традиционном смысле государственных границ, колониальных владений и военной и военно-морской мощи. Несмотря на дорогостоящие и разрушительные методы ведения этой войны, она имела вполне традиционные цели. Эта война не преследовала цели коренных преобразований; она не велась по поводу социального предназначения международной системы или в целях пересмотра международных норм и изменения структур правления. Скорее, ее причины заключались в резких сдвигах во влиянии, которые привели к увеличению разрыва между фактическим и субъективно воспринимаемым влиянием до такой степени, что набравшие силу державы более не считали законным международный порядок в его старом геополитическом понимании.²

Но сама война с ее беспрецедентными жертвами и неограниченным характером закончилась полной трансформацией довоенного мироустройства и притом таким образом, какого не ожидал ни один из ее участников. Соединенные Штаты Америки стали мировой державой. Изложение президентом Вудро Вильсоном американских идеалов, нашедших свое воплощение в системе коллективной безопасности и создании Лиги Наций, привело к радикализации глобальной системы безопасности, разрушило принципы обычной политики, основанной на балансе сил, и склонило многие страны мира к тому, чтобы рассматривать Вильсона и его революционные идеи в качестве провозвестников нового мирового порядка. Война также имела своим последствием большевистскую революцию и вызвала подъем фашизма, в результате чего мир был поделен между тремя конкурирующими идеологиями: либерально-демократической, социалистической и фашистской.

Вторая мировая война была совсем иной. Её изначальной целью было тотальное переустройство мира и это признавалось руководством обеих лагерей. Борьба шла не только за территориальные приобретения и ресурсы, но и за то, кто останется жить, а кто исчезнет с лица земли, ибо победители считали тех, кому предстояло исчезнуть, существами низшего порядка. Борьба шла и по поводу того, кто будет определять структуру интернационализации политической власти, то есть форму (власть) и содержание (социальное назначение)

---

¹ Robert Gilpin, *War and Change in World Politics* (New York: Cambridge University Press, 1981); G. John Ikenberry, *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).

² См Gerhard L. Weinberg, *A World At Arms: A Global History of WWII* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), pp. 1-5.

международного порядка и режимов, которые служат этим целям. Если бы немцы преуспели в своем стремлении установить «новый порядок» в Европе, а затем и в мире, то разработанный Ялмаром Шахтом международный экономический порядок, основанный на расистских доктринах и геополитических стратегиях империализма, был бы зеркальным отражением Бреттон-Вудской системы.

Кризисные периоды встречались в истории часто; одни кризисы разрешались мирным путем, другие нет. Вполне вероятно, что есть много факторов, которые объясняют, почему некоторые сдвиги во власти приводят к кровавым войнам из-за международных норм, а другие не приводят. Подозреваю, что одна из важных причин заключается в том, как господствующие державы реагируют на требования восходящих держав. Кризис может быть урегулирован мирным путем только в том случае, если и когда господствующие державы признают факт полного и безвозвратного исчезновения конкретных условий, благодаря которым существовал предыдущий порядок, и в целом с ним согласятся. Другими словами, решение навёрстывающей упущенное державы бросить вызов существующему миропорядку не является просто вопросом её врожденного характера или личности. То, что господствующие державы договариваются делать или не делать, также оказывает заметное влияние на то, решат ли опоздавшие вести разрушительные действия для осуществления перемен, или согласятся на пересмотр некоторых условий бытования существующего миропорядка.

Рассмотрим, к примеру, глобальную финансовую и денежно-кредитную систему. Подписанное в июле 2014 г. Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой соглашение о создании Банка развития БРИКС и пула резервных валют демонстрирует степень их разочарования существующими международными финансовыми институтами, в которых доминируют западные державы. Страны БРИКС в значительной мере недопредставлены в этих учреждениях, хотя на их долю приходится 40% мирового населения, 20% мирового объема производства и 17% товарооборота. Китай - вторая по величине экономика в мире - имеет 3,66 процента голосов в Международном валютном фонде (МВФ), что даже меньше, чем у стран Бенилюкс. Тем не менее, принятие соглашения от 2010 г. о пересмотре распределения голосов в МВФ затягивается Вашингтоном. Пользуясь разочарованием некоторых стран в связи с нежеланием Соединенных Штатов увеличить представительство развивающихся стран в международных организациях, президент КНР Си Цзиньпин способствовал созданию нового банка развития, управляемого странами БРИКС - Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой, - бросив тем самым вызов преобладанию МВФ и Всемирного банка.³ Эти игры между господствующими и восходящими державами имеют важные последствия для глобального управления.

В рамках нынешней тенденции «глобальной диффузии власти» традиционно бедные государства переживают исторически беспрецедентные всплески вертикальной мобильности. Вполне естественно, они хотят быть представленными в большей мере и иметь более весомый голос за столом международных переговоров, который бы соответствовал их новоявленной силе; они говорят о демократизации международной системы, о вреде доминирования одного государства в мировых делах, а также о преимуществах многополярного мира. Однако пока

---

³ Elizabeth C. Economy, "China's Imperial President: Xi Jinping Tightens His Grip," *Foreign Affairs*, Vol. 93, No. 6 (November/December 2014), p. 88.

мир не видел сколь-либо значимого напора со стороны незападных держав. По причинам, о которых я расскажу ниже, это не так удивительно, как может показаться на первый взгляд.

Почему восходящие державы могут не быть ревизионистами

Реалистичные структурные теории международных перемен неизменно постулируют восходящие державы, как некие деструктивные силы, одержимые стремлением пересмотреть мировой порядок. Это предположение коренится в теории перехода власти - основного логического посыла понятий «цикла гегемонистской войны» о системных изменениях.⁴ Если коротко, то теория заключается в следующем.

По закону неравномерного экономического развития государств, со временем возникает разрыв между фактическим распределением влияния в системе и распределением престижа (или репутации сильного государства), что приводит систему в состояние дисбаланса и постоянной нестабильности. Для мирного восстановления равновесия в системе, слабеющий гегемон должен поделить влияние с будущим соперником до того момента, когда престиж последнего начнет соответствовать его фактическому влиянию.⁵ В теории, данный процесс умиротворения должен решить проблему без войны. На практике это редко работает по следующим причинам: (1) удовлетворение законных требований восходящей державы часто означает угрозу стабильности существующего международного порядка, а также угрозу безопасности и жизненно важным интересам слабеющего гегемона и его союзников; (2) восходящая держава предъявляет незаконные претензии; (3) уступки способствуют росту фактического влияния будущего соперника, что воодушевляет его на предъявление новых требований об уступках. Для слабеющего гегемона подобный процесс предоставления своему сопернику и равному конкуренту одной уступки за другой означает медленную, но верную смерть.

Когда торг не приводит к решению системного кризиса, вспыхивает гегемонистская война, потому что: (1) крепнувший соперник понимает, что его требования не выполняются и, с учетом его новоприобретенного относительного влияния, приходит к заключению, что преимущества войны теперь начинают перевешивать ее издержки или (2) слабеющий гегемон считает, что война неизбежна и лучше ее начать раньше, чем позже, и начинает превентивную войну против соперника. Независимо от того, кто её начнет, война будет безграничным по средствам

---

⁴ Теория перехода власти представляет собой диалектическую теорию о восходящем государстве, которое вот-вот обгонит более сильное, но слабеющее государство. Более системные версии этой теории называются «теорией циклов гегемонистской войны» или «теорией перевеса силы». См.: A.F.K. Organski and Jacek Kugler, *The War Ledger*, (Chicago: University of Chicago Press, 1980); Gilpin, *War and Change*. Другой вариант называется теория «длительного цикла». См., например, Charles F. Doran and Wes Parsons, "War and the Cycle of Relative Power," *American Political Science Review* 74, No 4 (December 1980), pp. 947-965; and George Modelski, "The Long Cycle of Global Politics and the Nation-State," *Comparative Studies in Security and History* 20 (April 1978), pp. 214-238. В данных теориях есть одна очень важная общая черта: они не рассматривают альянсы в своих анализах держав и международной политики, что приводит к некоторым весьма странным историческим толкованиям. В частности, в истории «длинного цикла», как правило, не идет речь о России до 1945 г. В свете того, что русская армия разгромила и наполеоновскую Францию, и гитлеровскую Германию – это довольно существенный недочёт.

⁵ См.: Gilpin, *War and Change*.

и масштабам способом решения вопроса о том, кто будет определять и контролировать послевоенное мироустройство.

Основополагающим фактором данной теории является появление будущего соперника, оспаривающего не только своё место в существующем мироустройстве, но и саму легитимность такого мироустройства. Ненасытный ревизионизм будущего соперника вызывает постоянные кризисы, которые, в конечном итоге, приводят к возникновению гегемонистской войны. Логика этого предположения, однако, весьма темна и, честно говоря, несколько хромает. По определению, дела у восходящих держав в существующем миропорядке идут лучше, чем у всех остальных. Поэтому неясно, зачем им стремиться к разрушению существующего порядка; зачем им делать выбор в пользу невероятно дорогостоящей глобальной войны с неопределённым исходом с целью разрушения мироустройства, которое явно было им выгодно, и только для того, чтобы заменить его каким-то неопробованным мироустройством, расходы по созданию и управлению которым они (и никто иной) должны будут нести? Чем они так недовольны, что готовы поставить на карту все свои имеющиеся и будущие завоевания? В конце концов, исходя из теории перспектив, люди, как правило, не склонны рисковать, когда у них всё складывается, и более склонны к риску, когда им не везёт.⁶

Если отвлечься от логики теории перспектив, то сама теория утверждает, что постоянно увеличивающийся разрыв между фактическим влиянием и престижем вызывает у восходящих держав растущую неудовлетворенность существующим мироустройством. В этой логике есть ряд неувязок.

Во-первых, при определенных условиях вопросы престижа приобретают большее значение, чем другие вопросы. Пика своей значимости они достигают тогда, когда у мощных государств возникают жизненно важные и существенные конфликты интересов, разногласия по поводу правил игры, и ожидания того, что эти разногласия могут быть разрешены путем вооружённой борьбы. Такие конфликты и ожидания в значительной степени сегодня отсутствуют и, похоже, им не суждено появиться в будущем.

Во-вторых, теоретический анализ формальной игры показывает, что постоянно добивающиеся успеха государства склонны откладывать свои требования о предоставлении им статуса, соизмеримого с их экономической мощью; иными словами, они готовы терпеть реальное или предполагаемое несоответствие между их международным статусом (или престижем) и влиятельностью своего государства. Восходящие державы перестанут оттягивать время удовлетворения своего запроса на обретение соответствующего статуса, когда они почувствуют, что их рост может замедлиться или даже повернуть вспять. Именно в этот момент они станут более настойчиво требовать полной компенсации своего повышающегося статуса (например, за счет предоставления им «места за столом», более широкого участия в существующих институтах, или открыто признанной и бесспорной сферы влияния).

---

⁶ Daniel Kahneman and Amos Tversky, "Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk," *Econometrica*, Vol. 47, no. 2 (March 1979): 263-91; Daniel Kahneman and Amos Tversky, eds., *Choices, Values and Frames* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000). Теория перехода власти предполагает, что восходящая держава склонна к риску при перспективе выигрыша (что идет вразрез с теорией перспектив), и что слабеющий гегемон склонен к риску во избежание проигрыша (что соответствует теории перспектив), либо и то, и другое.

Подразумевается, что растущий Китай – это удовлетворенный Китай, в то время как Китай, в котором прекратился экономический рост – это Китай с более высокими требованиями.

В-третьих, большинство восходящих держав являются не полными, а, по выражению Дэвида Шамбо, «частичными державами». Они просто не обладают полным набором силовых возможностей (как жесткой, так и мягкой силы), необходимых для того, чтобы бросить серьезный глобальный вызов существующему гегемону. Будучи странами с переходной экономикой, восходящие державы, как правило, не обладают четкой индивидуальностью, особенно обладающей универсальной привлекательностью. Таким образом, сфера влияния Китая, несомненно, имеет глобальный, но почти повсеместно поверхностный, характер: несмотря на то, что он состоит во всех крупных МПО, Китай не принимает на себя лидерства в крупных международных проектах и не стремится к нему; его внешняя политика агрессивна, реактивна и определяется почти исключительно внутренней политикой; его не связанная с ресурсами экономическая деятельность за рубежом носит весьма ограниченный и, в основном, неудачный характер; его своеобразная культура не понятна непосвященным, а попытки Коммунистической партии объяснить ее миру были почти непреодолимо неумелыми; у него есть жесткая сила, но нет мягкой; он внушает сильный страх, но не глубокое восхищение; с ним многие сотрудничают, но у него нет настоящих друзей. Действительно, дипломатические отношения Китая с миром неоднородны и в настоящее время ухудшаются. Это не удивительно. Становление в качестве мировой державы означает, что с вами будут случаться плохие - а также и хорошие плохие - вещи, что ваш образ не всегда будет положительным, и что вас будут критиковать. К этому надо привыкнуть.⁷

В-четвертых, согласно стандартной теории гегемонистского переходного периода, все восходящие державы должны добиваться престижа, соизмеримого с относительным ростом их потенциала. Будучи одним из основных понятий теории реализма, престиж определяется как репутация сильного государства; он и является той валютой, которой международная политика пользуется каждый день. Когда между этой валютой и фактическим распределением сил между государствами возникает несоответствие, то система, как говорят, приходит в дисбаланс и переходит в состояние готовности к гегемонистской или системной войне. К этому предсказанию, однако, приводит порочная дедуктивная логика - порочная, потому что она не учитывает важный компромисс: повышение престижа не происходит просто так; его цена - увеличение числа международных обязательств и обязанностей. Если бы рост престижа не был связан с определенной ценой, как это ошибочно предполагает теория, то восходящим державам было бы нечего терять в своих требованиях большего престижа. Поскольку они знают, что им придется заплатить за больший престиж, они часто не выступают с такой просьбой. Давайте вспомним, когда бразды гегемонистского правления перешли в другие руки в последний раз. Слабеющая Британия, столкнувшаяся с серьезными угрозами в Европе и в других частях света, и слишком слабая, чтобы защищать свои интересы и управлять международной системой, неохотно решила, что пришло время передать эстафету мирового лидерства США. Но передача не состоялась, поскольку Соединенные Штаты не желали платить за это увеличением глобальных обязанностей и обязательств, связанных с возвышением в международной иерархии. Лишь нападение Японии на Перл-Харбор заставило США выйти из своей изоляционистской скорлупы. В послевоенный период (1945-1952) Соединенные Штаты неохотно приняли на себя роль гегемона и мирового лидера, потому что они были единственными из числа победителей, кто оказался в состоянии заниматься созданием нового мирового порядка. И все равно, тогда Соединенные Штаты

---

⁷ David Shambaugh, *China Goes Global: The Partial Power* (New York: Oxford University Press, 2013).

мечтали о создании третьего полюса в Европе, с тем, чтобы самим вернуться в лоно Западного полушария. В итоге, не жажда престижа, а провал этого плана и появление мощного нелиберального противника заставили Америку управлять своей половиной мира.

Примерно та же проблема существует и сегодня. Соединенные Штаты жалуются, что Китай хочет обладать привилегиями власти, но не хочет выполнять обязанности, которые полагается отправлять лидерам. Многим западным наблюдателям Китай представляется страной, которая увильивает от своих обязанностей, и которую необходимо принудить к принятию соответствующих мер в случае возникновения глобальных кризисов. Но США взяли на себя глобальную ответственность только спустя много лет после того, как стали самой могущественной державой на земле, на которую приходилась почти половина мирового объема производства. До этого Китаю на нынешней стадии его развития ещё очень далеко. Почему же тогда Вашингтон или кто-либо еще должен ожидать, что Китай, на который приходится примерно 8% общемирового объема производства, и который занимает 100-е место в мире по ВВП на душу населения, внесет существенный вклад в глобальное управление?

Наконец, большинство восходящих держав руководствуются в большей степени своей внутренней политикой, чем внешнеполитическими амбициями. Действительно, в общем плане, сама динамика формирующихся систем определяется приматом внутренней политики, то есть резкими политическими, социальными и экономическими переменами в сильных восходящих и господствующих государствах, которые выходят за пределы государства и становятся частью развивающейся международной системы. Почему так?

Мир в переходный период полон неопределенностей, и связано это со структурными и мотивационными причинами. Восходящие системы, вошедшие в число наиболее влиятельных акторов, наталкиваются на непредсказуемые и часто дестабилизирующие сдвиги во власти. Они также подвержены влиянию мотиваций, связанных с переходом из одного состояния в другое, в рамках относительных властных позиций, находящихся в состоянии изменения.⁸ В том, что касается намерений, то даже если некая определенность, касающаяся текущих намерений восходящих (Китай, Индия, Бразилия) и господствующих (США, Европейский Союз и Япония) держав и возможна, то все равно нет никакой гарантии, что их теперешние желания и предпочтения останутся без изменений в будущем. Как мы ожидаем, что люди, которые вышли из грязи в князи или совершили путь в обратном направлении, изменят свои личные амбиции, так же можно ожидать, что и восходящие и слабеющие державы поставят свои национальные цели выше или ниже в связи с переменами во влиянии на вершине мировой неформальной иерархии.

Оба источника неопределенности - структурная неопределенность в отношении глобального распределения возможностей и мотивационная неопределенность в отношении целей восходящих и господствующих сверхдержав - исходят из одного стержневого корня, т.е., внутренней политики. Что касается структурной неопределенности, то кривая влиятельности государства в решающей степени зависит от стратегий, которые ее лидеры применяют для мобилизации ресурсов (финансовых, производственных и человеческих) в целях обеспечения

---

⁸ Amrita Narlikar, "Introduction: Negotiating the Rise of New Powers," *International Affairs*, Vol. 89, No. 3 (May 2013), p. 567.

национальной безопасности и экономического роста. В научной теории международных отношений (МО) существует давняя традиция учета внутренних и материальных факторов для определения влиятельности той или иной страны. Сам Кеннет Валц включает политическую стабильность и компетентность в свой список ключевых характеристик, определяющих национальные рейтинги в рамках глобальной иерархии власти.⁹

С точки зрения мотивационной неопределенности, колебания в государственных предпочтениях во времени и пространстве уже давно относят на счет внутренней политики. Даже в самой чистой системной теории признается существование целого ряда государственных целей и мер политики. Иногда эти расхождения объясняются структурой самой системы: государства, имеющие разное положение в международной системе, преследуют разнородные цели и по-разному реагируют на сопоставимые внешние стимулы. Среди находящихся в аналогичном положении государств, различия в целях и реакциях на внешние сигналы объясняются не международной структурой, а, скорее, мерами внутренней политики.

В частности, национальные политические процессы служат как «несовершенные» приводные ремни (промежуточные переменные), которые переносят отклонения (остаточную дисперсию) от предсказаний системной теории о рациональных ответах на внешние ограничения и возможности.¹⁰ Теории внутренней политики служат для поиска детерминант внешнеполитического поведения и национальных интересов в самом государстве. Как правило, речь идет о господстве внутреннего социального и политического давления над государственным административным аппаратом и аппаратом принятия решений, обуславливающим различные действия и задачи государства, которые могут или не могут быть реакцией на внешние раздражители. Разнообразие государственных задач является также следствием того, что элиты озвучивают национальные интересы и требования для разных аудиторий по-разному.¹¹

Меры внутренней политики становятся особенно заметными в меняющемся мире. Это связано с тем, что политическая среда, зарождающаяся во время глобальных переходов, заполняется и определяется восходящими державами, которые, хотя от них и ожидается конкурентоспособное поведение на международной арене, склонны к тому, чтобы фокусироваться на внутренних событиях, а то и полностью сосредоточиваться на внутренней политике, чем на внешнем мире. В конце концов, внезапный и резкий рост национальной экономики вызывает массовые социальные и политические сдвиги. По мере своего развития, нация становится все более важной для своих правителей, которые постоянно выступают посредниками между своими национальными обществами и международной экономикой, периодически регулируя баланс между гражданами, государствами и рынками и одновременно стимулируя стабильный и устойчивый экономический рост.¹²

---

⁹ Kenneth N. Waltz, *Theory of International Politics* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979), p. 131.

¹⁰ Andrew Moravcsik, "Introduction: Integrating International and Domestic Theories of International Bargaining," in Peter B. Evans, Harold K. Jacobson, and Robert D. Putnam, eds., *Double-Edged Diplomacy: International Bargaining and Domestic Politics* (Berkeley: University of California Press, 1993), p. 9.

¹¹ См., например, Shaun Breslin, "China and the Global Order: Signalling Threat or Friendship?" *International Affairs*, Vol. 89, No. 3 (May 2013), pp. 615-34.

¹² See Gregory Chin and Ramesh Thakur, "Will China Change the Rules of Global Order?" *The Washington Quarterly*, Vol. 33, No. 4 (October 2010), pp. 119-138.

Ревизионизм: самые важные моменты

Отношения между господствующими и восходящими державами могут быть непростыми и связаны с применением насилия. В соответствии с теорией перехода власти, вероятность возникновения войны между доминирующей и восходящей державой становится более вероятной по мере сокращения разрыва между ними в относительной власти и роста недовольства последней существующим порядком, которое возрастает параллельно увеличению её возможностей и выходит за пределы всякой надежды на мирное урегулирование.¹³ С этой точки зрения, в эпохи перехода власти повышается и риск возникновения конфликтов, поскольку господствующие державы реагируют на происходящее с тем, чтобы сдержать своё дальнейшее относительное ослабление под натиском уверенных в своих силах соперников.

Срачивание экономики и ВПК несет в себе больший риск возникновения конфликтов и беспорядков, поскольку восходящие державы стремятся оставить свой след на реконструированных глобальных институтах - и этот след заметно отличается от существующего порядка, поддерживаемого господствующими державами. Эта, казалось бы, простая логика, обуславливающая пессимистический взгляд на срачивание экономики и ВПК, имеет определенную привлекательность и притягательность, которая коренится, пожалуй, в первородных мифах о сыне, во всем перегнавшем своего отца. Неудивительно поэтому, что восходящие державы, как правило, изображаются в теории и на практике как «возмутители спокойствия», проводящие подрывную политику перемен; как актеры, которые «чувствуют себя сдерживаемыми и даже обманутыми существующим положением дел и борются с ним, чтобы взять то, что, по их мнению, принадлежит им по праву».¹⁴

Но не все восходящие державы - опасные ревизионисты, и сам по себе ревизионизм не всегда опасен. Не каждый ревизионист стремится свергнуть существующий порядок, максимизировать свою власть, или добиться её за счет других. В литературе не учитываются эти нюансы, и поэтому восходящие державы и ревизионистские государства обсуждаются в чрезмерно общих чертах. Восходящие державы считаются ревизионистами; также, все подряд государства, которые стремятся к каким-либо переменам, называются «ревизионистами», в то время как действующие, господствующие державы неизменно подпадают под понятие «государства статус-кво».

Я утверждаю, что у ревизионизма есть четыре измерения, которые в совокупности определяют факт наличия ревизионизма и степень угрозы ревизионистского государства господствующим державам: (1) масштаб целей ревизионистского государства; (2) решимость и склонность ревизионистского государства к риску в достижении своих целей; (3) характер его ревизионистских целей (стремится ли оно изменить международные нормы, территорию или

---

¹³ Теория перехода власти комплексно рассматривается в статье Jonathan M. DiCicco, and Jack S. Levy, "Power Shifts and Problem Shifts: The Evolution of the Power Transition Research Program," *The Journal of Conflict Resolution* 43, no. 6 (December 1999), pp. 675-704. Критика теории перехода власти см.: Steve Chan, *China, the U.S., and the Power-Transition Theory* (New York: Routledge, 2008).

¹⁴ Aaron L. Friedberg, "Hegemony With Chinese Characteristics," *The National Interest*, no. 114 (July/August 2011), p. 18.

добиться более высокого престижа); и (4) средства, используемые для достижения ревизионистских целей (мирные или насильственные).

1. Масштаб целей ревизионистского государства

Проблема отношений между восходящими и господствующими державами заключается в легитимности существующего мирового порядка, включая территориальное деление, институциональные механизмы и управленческие структуры, а также правовые нормы и ценности. Здесь легитимность не обязательно означает наличие собственно справедливости, а скорее международного консенсуса, особенно среди великих держав, о природе рабочих механизмов и допустимых целей, и методов ведения внешней политики. Такой консенсус о том, что является законным в международных отношениях, не исключает возможности возникновения конфликта, но ограничивает его масштабы и приемлемые средства для решения проблем, которые неизбежно возникнут между странами в конкурентной системе, где каждый рассчитывает только на себя. В условиях легитимного правопорядка даже самые недовольные государства желают изменений только внутри системы, а не изменения самой системы; и корректировки статус-кво являются приемлемыми, только если они вносятся в рамках существующих институциональных механизмов, а не за их счет.

По сути, есть два основных типа недовольных государств: ревизионисты с ограниченными целями и ревизионисты с неограниченными целями, или революционные державы. Цель революционных государств заключается не в коррекции вызывающих вопросы различий в рамках какой-либо системы, а сама система. Они стремятся к мировому господству и идеологическому превосходству. Несмотря на то, что все революционные государства чем-то недовольны, не все недовольные государства являются революционными. Ключевой вопрос заключается в том, считает ли восходящая держава, что защита и продвижение ее основных ценностей зависит от фундаментальных изменений в существующем международном порядке; или она просто недовольна уровнем своего престижа и некоторыми аспектами статус-кво, например, сферой своего влияния или определенными международными нормами. Если верно первое, то это революционное государство, которое не сможет добиться удовлетворения своих потребностей, не разрушив основ международного порядка. Если последнее, то его претензии могут быть удовлетворены при сохранении, а в некоторых случаях даже укреплении, существующего миропорядка. Ревизионисты с ограниченными целями представлены, как правило, региональными державами, которые стремятся либо к компенсационным территориальным корректировкам, чтобы показать свое усилившееся влияние и их признание в качестве равных среди великих держав, либо к изменению внутренних правил и процедур принятия решений, но не основополагающих норм и принципов существующих режимов.

Ключ к успеху стратегии, направленной на то, чтобы справиться с восходящей недовольной державой, заключается в проведении четкого различия между этими двумя типами ревизионистских государств. Привлечение к совместной работе - эффективная стратегия в отношении ревизионистских государств с ограниченными целями. Удовлетворение их законных требований путем предоставления разумных уступок может быть достигнуто без ущерба для существующего порядка, а превращение этих недовольных государств в сторонников нового пересмотренного статус-кво даже способно укрепить легитимность и

стабильность системы и, тем самым, сохранить мир. Попытки же умиротворить революционные государства, напротив, не только ошибочны, но и опасны: они ослабляют относительную позицию силы страны, выступающей с позиций умиротворения, и разжигают ненасытный аппетит противника с неограниченными целями, отдельные претензии которого являются частью более широкой программы безоглядной экспансии.

По мнению Эдмунда Бёрка, например, война против революционной Франции была столкновением не интересов, а идеологий, и поэтому он не видел в ней никаких шансов на примирение. В отличие от предыдущей войны против американских колоний, которую Бёрк осуждал, эта война велась не против «обычного сообщества, которое может быть настроено враждебно или дружелюбно, в зависимости от преобладающих в нем страстей или интересов, не с государством, которое ведет войну из каприза и отказывается от нее из-за усталости. Мы находимся в состоянии войны с системой, которая по сути своей враждебна всем другим правительствам, и которая заключает мир или ведет войну в зависимости от того, что именно - мир или война - наилучшим образом соответствуют целям ее подрывной деятельности. Мы ведем войну против вооруженной доктрины». ¹⁵ Таким же образом, в 1940 году Хор-Белиша, основываясь на мнении Бёрка, сказал следующее о невозможности сосуществования нацизма и британских ценностей: «Мы не ввязались в эту войну лишь для того, чтобы восстановить территориальную целостность Чехословакии. И мы не боремся просто за восстановление польского государства. Наши цели не определяются географическими границами. Мы обеспокоены границами человеческого духа. Эта война идет не на географической карте». ¹⁶

2. Решимость, склонность ревизионистского государства к риску в достижении своих целей и временные горизонты достижения ревизионистских целей

Недовольные государства отличаются не только масштабом своих ревизионистских целей, но и своей склонностью к риску и решимостью вносить изменения в существующий порядок. Склонность к риску связана с вероятностью достижения успеха, иметь представление о которой необходимо каждому конкретному директивному органу, прежде чем он сможет санкционировать какие-либо действия. Например, при принятии решения об усилении влияния страны через войну или конфликт, несущий в себе угрозу войны, лидеры ревизионистских государств принимают решения в условиях неопределенности, где вероятность успеха тех или иных действий неизвестна. Особо важные источники неопределенности для ревизионистского лидера, обдумывающего войну, включают следующие: (1) собственная военная сила по отношению к силе противника, против которого

---

¹⁵ Edmund Burke, "Thoughts on the Prospect of a Regicide Peace, In a Series of Letters (1796)," in Works, Vol. 8 (London: J. Owen, 1815), p. 98. Бёрк также писал: «Дело в том, что эту новую грабительскую систему во Франции невозможно нейтрализовать ничем; она должна быть уничтожена, иначе она сама уничтожит всю Европу; для уничтожения этого врага с помощью тех или иных средств, сила, применяемая к нему, должна быть, в некоторой степени, аналогична силе и духу, присущим самой этой системе; война должна вестись против ее уязвимых мест. Это мои выводы. Одним словом, ничто независимое не может сосуществовать с этой Республикой. Ошибки Людовика XVI были более простительны перед судом благоразумия, чем любые другие ошибки того же рода, которые могли совершить Союзные дворы. У них есть преимущество – они научены его страшным примером». Edmund Burke, "Thoughts on the Prospect of a Regicide Peace, Letter 2: On the Genius and Character of the French Revolution as it Regards Other Nations," in Select Works of Edmund Burke. A New Imprint of the Payne Edition, Vol. 3, предисловие и биографический экскурс написаны Francis Canavan, (Indianapolis: Liberty Fund, 1999), p. 184.

¹⁶ Цитата приведена в Martin Gilbert and Richard Gott, The Appeasers (London: Wiedenfeld & Nicolson, 1963), p. 42.

готовится нападение; (2) баланс решимости, то есть, насколько противник ценит то, что поставлено на карту, по сравнению с тем, во что он оценивает то, что поставлено на карту; (3) вмешаются ли другие государства, и если да, то кто встанет на чью сторону; и (4) относительные возможности его потенциальных партнеров по альянсу и вероятность того, что они выполнят свои союзнические обязательства, когда наступит кризис.

С точки зрения склонности к риску, полезно различать акторов, склонных к риску, и тех, кто риска не любит. Склонные к риску акторы являются, по сути, игроками, в то время как не склонные к риску акторы проявляют осторожность в условиях неопределенности. Лидеры, любящие риск, поскольку они видят дополнительную практическую ценность в том, что они готовы рискнуть, менее скованны в принятии военных решений, чем акторы, не склонные к риску; именно эти акторы будут, скорее всего, прибегать к бряцанию оружием и безоглядной экспансии и предвкушать то, что и остальные последуют их примеру. Не склонные к риску акторы, напротив, рациональны в своих попытках улучшить позиции своего влияния. Они воспользуются возможностью для экспансии, если и когда таковая представится. Но форсировать события они не станут.

Объединив оба измерения - «масштаб ревизионистских целей» и «склонность к риску» - мы можем сделать следующие выводы. Не склонные к риску ревизионисты с ограниченными целями стремятся подходить к экспансионизму рационально и обычно стремятся к достижению регионального господства. С другой стороны, склонные к риску ревизионисты с ограниченными целями, кроме того, что они более безрассудны в своих стратегиях достижения целей, как правило, имеют более амбициозные цели, чем их не склонные к риску партнеры; и в этой связи наряду с территориальными они зачастую выдвигают требования, связанные с престижем. Кроме того, склонные к риску ревизионисты с ограниченными целями, как правило, в большей степени не удовлетворены существующим положением дел, чем их не склонные к риску партнеры; то есть, они, как правило, придают меньше значения тому, что у них уже есть, чем последние, и поэтому их стратегические планы перемен имеют более короткие временные горизонты, чем планы ревизионистских государств с ограниченными целями, которые не склонны к риску.

Склонные к риску революционные державы являются наиболее опасными экспансионистами. Это государства, которые периодически появлялись и создавали серьезные проблемы для самого существования современной системы государств. Напротив, не склонные к риску революционные державы, которые тоже желают введения нового порядка, не хотят идти на риск возникновения системной войны для свержения установившегося мирового порядка. Вместо этого, они стремятся к революционным изменениям в долгосрочной перспективе, что является почти утопической целью. Следовательно, они весьма рациональны и инкрементальны в своих попытках пересмотреть статус-кво; они действуют в рамках долгосрочных временных горизонтов.

3. Характер ревизионистских целей: требования в отношении международных норм, режимов, территории или престижа

Как правило, национальный рост ведет к расширению внешнеполитической деятельности и интересов государства, будь то в целях контролирования территорий, поведения других государств, мировой экономики, правил и норм, регулирующих международную практику, запасов сырья, рынков или жизненного пространства, либо в целях обращения других в свою веру, строительства военных и военно-морских баз, или просто в исследовательских целях и для расширения общего кругозора. Таким образом, периоды международного экономического роста связаны с конкуренцией между странами, иногда жесткой, за ресурсы и рынки, военную мощь, политическое влияние и престиж.

Ревизионисты с неограниченными целями с большей вероятностью выдвигают полный спектр ревизионистских требований и призывов к массовым изменениям в нормах, режимах, территориях и иерархии престижа. Вот почему они считаются тираннозаврами международной политики и перемен. По сравнению с ними, сегодняшние формирующиеся державы кажутся лишь в малой степени недовольными нынешним международным порядком. Они стремятся лишь к ограниченным территориальным изменениям и, по большей части, предпочитают мирные средства достижения своих целей насильственным. Несмотря на то, что они проявляют некоторое недовольство сформировавшимися глобальными нормами и режимами, страны БИКС (без России), в основном, выступают в качестве консервативных защитников существующих международных режимов безопасности, противостоя однополярной державе, пережившей теракт 11 сентября 2001 г., которая была намерена изменить эти режимы в одностороннем порядке, введя в них расширенное толкование своих интересов безопасности.

В том, что касается характера ревизионистских целей, здесь ключевым моментом является то, что некоторые виды ревизионизма опаснее других. Другими словами, есть качественная разница между территориальными ревизионистскими целями и целями, касающимися изменений в нормах и режимах. Недовольство территориальным делением, границами или сферами влияния, как известно, является «наиболее вероятной» причиной возникновения межгосударственных войн. Неудовлетворенность характером глобальных структур управления (норм и режимов), напротив, с гораздо меньшей вероятностью, чем территориальные споры, может привести к возникновению крупномасштабных насильственных конфликтов или необходимости решать такие вопросы на поле боя. Восходящие державы могут обойти самые устоявшиеся международные правила и нормы, не прибегая к военной силе и не провоцируя ее применение. Вряд ли война вспыхнет из-за того, что Китай не обуславливает предоставление внешней помощи ситуацией с правами человека в принимающей помощи стране в нарушение установленной нормы, по которой предоставление иностранной помощи должно быть увязано с соблюдением прав человека. Точно так же, как и нарушения норм, требования, связанные с престижем, не должны приводить к возникновению войн; такие требования часто можно удовлетворить, просто предоставив формирующейся державе «место за столом».

Рассмотрим в этой же логике международные режимы как области возможных ревизионистских претензий. Некоторые уже говорили, например, что восходящие державы предпочитают альтернативные модели политической и экономической организации (например, Пекинский консенсус), в которых принято «целенаправленное вмешательство государства в развитие рыночной экономики и национальный корпоративный рост, а не

расчет на саморегулирующийся рост рыночной экономики». ¹⁷ Поскольку такие альтернативы представляют собой явный вызов ориентированным на свободный рынок рецептам так называемого Вашингтонского консенсуса, а также если крупные страны с развивающейся экономикой будут стремиться к экспорту и созданию совместимой глобальной среды для своих конкурирующих «нео-меркантилистских» моделей экономического развития, то в будущем возможно возникновение конфликта между ними и господствующими державами и их нынешними глобальными экономическими институтами. На сегодняшний день предпочтения стран БРИКС в сфере глобального экономического управления еще недостаточно известны для уверенного предположения о том, что они продвигают именно такую амбициозную идеологическую повестку дня. ¹⁸ Даже если, в конечном счёте, конфликт между восходящими и господствующими державами по поводу глобального экономического управления и возникнет, то маловероятно, чтобы он был насильственным.

И хотя споры по вопросам глобального управления (умозрительные, в отличие от материальных конфликтов) потенциально могут оказать существенное влияние на качество мирового порядка, они весьма легко регулируются либо в ходе переговоров, либо, если это невозможно, с помощью других мирных стратегий, направленных на разрешение конфликтов. Восходящие державы могут, например, избирательно взаимодействовать с господствующими державами в рамках предпочитаемого последними порядка. Что касается последней стратегии, то восходящие державы могут предпочесть лишь частичную включенность в сложившуюся глобальную архитектуру и сами выбирать, каким из существующих правил игры в глобальном экономическом управлении они хотят следовать.

Есть и более радикальный вариант, который представляет собой эволюционное следствие этой стратегии «избирательного взаимодействия»: крупные восходящие державы могли бы создать свои собственные отдельные институты экономического управления, то есть альтернативную глобальную экономическую систему, которая находилась бы вовне, но в то же время в некоторой степени накладывалась на существующую глобальную экономическую архитектуру. Нечто подобное Китай активно предлагает своим соседям в Азии, а именно, создание большого, финансируемого многими странами банка, который обеспечивал бы оперативное финансирование крайне необходимых проектов в области транспорта, связи и энергетики в слаборазвитых странах региона. Создание такого нового банка многими рассматривается как подрыв существующих институтов. Называется он Азиатский банк инфраструктурных инвестиций - это ответ Китая Всемирному банку и Азиатскому банку развития, которые представляют собой международные учреждения, созданные после Второй мировой войны, политика которых определяется США и Японией. Предлагаемый банк не будет требовать соблюдения экологических стандартов или требований по закупкам, а также мер защиты, предназначенных для предотвращения принудительного переселения незащищенных групп населения со своих земель (например, при строительстве дамб, из-за которого люди теряют свои дома) или каких-либо других гарантий, требуемых Всемирным банком и Азиатским банком развития. По мнению Вашингтона, этот банк есть не что иное, как «политический инструмент Китая для вовлечения стран Юго-Восточной Азии в свою орбиту, проявление мягкой силы, которая обещает экономические блага и улучшает имидж Китая среди соседей, которых беспокоят его территориальные претензии.» ¹⁹ Однако данные аргументы разбиваются

¹⁷ Gregory Chin and Ramesh Thakur, "Will China Change the Rules of Global Order?" *Washington Quarterly*, Vol. 33, No. 4 (October 2010), pp. 119–38 at p. 123.

¹⁸ Miles Kahler, "Rising Powers and Global Governance: Negotiating Change in a Resilient Status Quo," *International Affairs*, Vol. 89, No. 3 (May 2013), pp. 711–729 at p. 713.

¹⁹ Jane Perlez, "U.S. Opposing China's Answer to World Bank," *New York Times*, October 10, 2014, pp. A1, A8 at p. A8.

о тот факт, что наличные институты не сумели обеспечить насущные потребности региона. Всемирный банк и АБР имеют все основания для беспокойства, потому что Пекин уже пообещал вложить 50 млрд. долларов США в начальный капитал и сообщил будущим участникам, что ожидает поступления еще 50 млрд. от финансовых учреждений и частных инвесторов. АБР, для сравнения, располагает капиталом только на сумму 78 млрд. долларов США.

4. Средства, используемые для достижения ревизионистских целей: мирные или насильственные перемены

Когда мы говорим, что то или иное государство ревизионистское или государство статус-кво, мы имеем в виду его цели, а не намерения, т.е. действия, которые государство планирует предпринять при определенных обстоятельствах. По мнению Себастьяна Росато: «Государство статус-кво может иметь мирные намерения; то есть, оно может планировать, чтобы все оставалось как есть, не угрожая силой и не применяя ее. В равной степени, оно может иметь агрессивные намерения, считая, что оно обязано уничтожить своих конкурентов, чтобы сохранить текущее положение. Таким образом, одна и та же цель - сохранение статус-кво - может приводить к разработке совершенно разных планов действий. То же самое относится и к ревизионистам. Ревизионистская держава может иметь агрессивные намерения; иначе говоря, она может планировать смену существующего порядка силовыми методами. Но она также может иметь мирные намерения, просто избрав выжидательную тактику, и дожидаться, пока ее более мощные соперники ослабнут. Опять же, одна и та же цель может быть связана с разными намерениями.²⁰

Итак, самое главное в восходящих державах, независимо от их предпочтений относительно переделки территорий или пересмотра содержания и формы глобального управления, - это то, каким образом они планируют предъявлять свои претензии. Какие методы они выберут: мирные или насильственные? Даже самые отъявленные реформаторы могут вести «более напористую политику в рамках взаимодействия и переговоров: требуя реформ, но действуя вполне в рамках системы».²¹ Господствующие державы должны относиться к таким мирным призывам к проведению реформ в рамках установившегося мирового порядка с полным вниманием и даже оказывать им всемерную поддержку; иначе они рискуют своими руками создать множество будущих претендентов, появления которых они сами больше всего и опасаются, а именно, склонных к насилию и риску агрессоров. Как точно заметил много лет назад Э. Х. Карр: «Политика защиты статус-кво не может вестись с успехом в течение длительного времени. Она закончится войной с той же определенностью, как и то, что жесткий консерватизм закончится революцией. Какой бы ни была необходимой политика «сопротивления агрессии» в качестве кратковременного средства проведения национальной политики, она не является решением проблемы; готовность к войне за предотвращение перемен так же безнравственна, как и готовность к войне за их проведение. Разработка

---

²⁰ Sebastian Rosato, "The Inscrutable Intentions of Great Powers," *International Security*, Vol. 39, No. 3 (Winter 2014/2015), p. 59

²¹ Характеристику отношения Бразилии к существующему мировому порядку можно найти в книге Andrew Hurrell, "Brazil: What Kind of Rising State in What Kind of Institutional Order?" in Alan S. Alexandroff and Andrew F. Cooper, eds, *Rising States, Rising Institutions* (Washington DC: Brookings Institution, 2010), pp. 128–50 at p. 136.

мирных методов осуществления перемен является, таким образом, основополагающей задачей международной морали и международной политики.²²

Помимо недопущения войны, у господствующих держав есть все экономические основания для того, чтобы стремиться к осуществлению перемен мирным путем. Пусть это будет основано не на общем ощущении справедливости и разумности, то хотя бы на необходимости приспособливаться к изменившемуся соотношению сил в современном мире. Успешные переговоры по вопросам экономического подъема БРИКС и других стран с динамично развивающейся экономикой будут иметь существенные положительные глобальные внешние эффекты, выгодные как самим сформировавшимся державам, так и их гражданам. Резкие спады в крупнейших развивающихся экономиках не отвечают ничьим интересам. Как полагает Майлс Калер, «возвращение к бедному и плохо управляемому Китаю, каким он был в недавнем прошлом, к Индии с ее хронической бедностью и низкими темпами роста, к Бразилии в период гиперинфляции и регулярных финансовых кризисов было бы наихудшим вариантом развития событий для мирового порядка».²³ Как восходящие и господствующие державы, так и их общественность, должны признать, что, в широком смысле, их долгосрочные экономические интересы скорее совпадают, чем противоположны друг другу.

Соединенные Штаты как подлинно ревизионистская держава

В заключение, хочу сказать, что именно гегемоны - как недавно коронованные, так и перспективные (данный тип государства, насколько мне известно, вообще не обсуждался в литературе) - больше всего годятся на роль ревизионистских государств и наиболее к этому мотивированы. Эта тема негласно звучит в типичных структурно-реалистских толкованиях перемен в мире. Согласно теории Роберта Гилпина, дополненной Джоном Айкенберри, гегемонистские войны заканчиваются возникновением державы, обладающей безграничной властью, каковая способна и готова к изменению существующей системы.²⁴ Другими словами, предполагается, что недавно коронованный гегемон приступит к пересмотру системы (превратится в ревизионистское государство), создавая свое собственное видение мирового порядка в условиях международного ландшафта, полностью очищенного от ранее существовавших институтов.

В отличие от прошлых гегемонистских войн, «холодная война» не была военным конфликтом, и поэтому по её окончании мир не лежал в руинах. Не был он и «чистым листом», на котором вновь увенчанный гегемон мог бы начертать свои собственные правовые нормы и создать поддерживающую глобальную архитектуру. Тем не менее, США были на подъеме в течение первых двадцати лет после окончания «холодной войны». Набирающие силу державы, особенно однополярные, наиболее способны и готовы к пересмотру статус-кво в соответствии со своими предпочтениями. Именно так Соединенные Штаты и поступали. По словам Кеннета

---

²² Edward Hallett Carr, *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations* (New York: Harper & Row, [1939], 1964), p. 222.

²³ Kahler, "Rising Powers and Global Governance," p. 729.

²⁴ Gilpin, *War and Change*; Ikenberry, *After Victory*.

Вальца, «победитель в «холодной войне» и единственная оставшаяся великая держава повела себя так, как обычно ведут себя распоясавшиеся державы. В отсутствие противовесов начинают преобладать внутренние импульсы и неважно, какими намерениями – либеральными или иными – они питаются».²⁵ Действительно, нельзя вообразить более совершенного двигателя для проведения масштабного пересмотра мирового порядка, чем бесконтрольные внутренние импульсы единственной сверхдержавы в рамках однополярной системы.

Доктрина Буша, например, включала четыре основных компонента, три из которых ставили под сомнение основополагающие принципы Вестфальской системы международных отношений.²⁶ Первый постулат коренится в убеждении, что американские ценности, такие как «свобода, демократия и свободное предпринимательство», носят универсальный характер и их распространение пойдет на пользу всему миру. Таким образом, задача Америки заключается в активном распространении своих ценностей, иногда с помощью односторонних военных действий, а также путём «реструктуризации мира в направлении свободы» и, следовательно, избавлении мира от зла.²⁷ Концепция распространения демократии и защиты прав человека посредством военного вмешательства противоречит Вестфальской системе государственного суверенитета, по которой народы имеют право сами собой управлять и сами решать свою судьбу.²⁸ Даже Организация Объединённых Наций, отстаивающая права человека, признаёт государственный суверенитет, который предполагает ограничение возможности государств защищать права человека за пределами своих границ.

Второй элемент доктрины Буша подрывает устоявшиеся нормы, регулирующие нанесение упреждающего удара и ведение превентивной войны. Поскольку мы живём в чрезвычайно опасные времена, и поскольку политика сдерживания неэффективна в борьбе с терроризмом и странами-изгоями, так как они не ценят ничего, что подразумевало бы ответственность, и особенно легко идут на риск и причинение вреда, то США должны принять на вооружение концепцию превентивной войны и быть готовыми выступить против «нарождающихся угроз до того, как они вполне созреют».²⁹

По мнению Стивена Хука и Джона Спеньера, «доктрина Буша бросила вызов ключевым принципам международного права, которые требуют от национальных государств идентифицировать грозящую опасность, прежде чем они могли бы на законном основании прибегнуть к военной силе». По их мнению, «масштаб новой большой стратегии [«доктрины Буша»] беспрецедентен в мировой истории».³⁰ Айен Хёрд также утверждает, что новое американское толкование понятия упреждающего удара, содержащееся в Стратегии национальной безопасности США (СНБ) от 2002 г., явно бросает вызов традиционному пониманию этой концепции в международном праве и несовместимо с тем, как многие страны

²⁵ Kenneth N. Waltz, "Structural Realism after the Cold War," *International Security*, Vol. 25, no. 1 (Summer 2000), p. 24.

²⁶ Четыре компонента доктрины Буша изложены в книге Robert Jervis "Understanding the Bush Doctrine" in Jervis, *American Foreign Policy in a New Era* (New York: Routledge, 2005), ch. 4.

²⁷ Цитата из Дж. Буша, там же, p. 82.

²⁸ «Вестфальская система государственного суверенитета... касается автономии властных структур внутри страны, т.е., отсутствия авторитарного вмешательства извне.» Stephen D. Krasner, "Problematic Sovereignty," in Stephen D. Krasner, ed., *Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Responsibilities* (New York: Columbia University Press, 2001), 2.

²⁹ Цитата из Дж. Буша в Jervis, *American Foreign Policy*, p. 84.

³⁰ Steven W. Hook and John Spanier, *American Foreign Policy since World War II*, 16th ed. (Washington, DC: CQ Press, 2004), pp. 350-51.

понимают нынешние нормы, регулирующие международное вмешательство в целях самообороны.³¹

Наконец, в доктрине Буша утверждается, что универсальных норм или правил, применимых ко всем государствам, не существует, а стало быть, США не подпадают под действие норм международного права, а также правил и норм, применимых ко всем остальным. Будучи доминирующим мировым государством, США не признают никаких правил, даже своих собственных. Управление миром, сохранение его стабильности и расширение его свободы требует, чтобы США вели себя иначе, чем все остальные. Как полиция может нарушать законы (например, проезжать на красный свет, стрелять в людей и причинять ущерб частной собственности), чтобы поймать «злодеев», которые нарушают закон (или считаются нарушителями), так и США могут и должны действовать так, как другие не могут и не должны: это служит не только национальным интересам США, но и интересам всех законопослушных государств (заинтересованных в сохранении мирового порядка). Во всяком случае, аргументация именно такова.

Безусловно, Соединенные Штаты считают, что они действуют в интересах мира, справедливости и процветания в мире; и практически по любым меркам американская система имеет безусловный успех, создав уникальный в глобальных масштабах уровень благосостояния.³² Но представьте себе, что было бы, если бы какая-нибудь другая мировая держава вроде Китая или России действовала, исходя из убеждения в том, что: (1) ее миссия состоит в избавлении мира от зла посредством распространения того, что она называет своими универсальными ценностями; (2) ее безопасность требует ведения превентивных войн; и (3) международные нормы, правила и закон применимы ко всем, кроме неё, потому что мировой порядок требует, чтобы она действовала отлично от всех других государств. Разве мы не сочли бы такую державу ревизионистской?

Об авторе:

Рэндалл Л. Швеллер, профессор политологии Государственного университета штата Огайо.

---

³¹ Ian Hurd, "Breaking and Making Norms: American Revisionism and Crises of Legitimacy," *International Politics*, Vol. 44, No. 2-3 (March-May 2007), pp. 194-213.

³² С 1950 г. по 2000 г. ежегодный рост мирового ВВП составлял 3,9% (причем темпы роста в Азии были не ниже и даже выше, чем в Европе и США) по сравнению с ростом в 1,6% в период между 1820 г. и 1950 г. Объем мировой торговли увеличился более, чем в три раза с 1980 г. по 2002 г. Robert Kagan, *The World America Made* (New York: Alfred A. Knopf, 2012), pp. 40-41.